

жи» В. Проппа, в котором Леви-Строс дает обстоятельный критический разбор книги, справедливо подчеркивая как историческую преемственность европейского структурализма по отношению к русскому формализму начала века, так и принципиальные расхождения между ними. Его упреки Проппу в пренебрежении содержанием и отрыве сказки от мифа не оправданны, но советскому читателю тем более интересно ознакомиться с этой работой, что ответ Проппа на нее уже опубликован в сборнике его статей⁸.

По ходу разбора и в конце статьи Леви-Строс формулирует свои принципы анализа мифов: восприятие содержания и формы как аналогичных структур на разных уровнях, вычленение из текста не составляющих его элементов, а организующих его отношений и т. д. Его методика в действии показана в следующей из опубликованных в сборнике статей — «Деяние Асдиваля», тоже довольно старой его работе — 1958 г. Статья представляет собой анализ всех версий мифа об Асдивале, собранных Ф. Боасом у индейцев цимшиан тихоокеанского побережья Канады с целью выявления «некоей глубинной и общей всем уровням логической структуры» (с. 35). Автору действительно удается интегрировать четыре схемы: географическую, космологическую, социологическую и техноэкономическую — и создать весьма экономное и полное описание глубинной структуры мифа, однако локальные варианты этой схемой не учитываются. Для того чтобы выявить и интерпретировать существенные различия в версиях мифа, нужно проделать весь обратный путь к дешифровке схемы, наполняя ее конкретным содержанием.

Самая поздняя из работ Леви-Строса, опубликованных в указанном сборнике, относится к 1971 г. Это небольшой этюд о формах бытования мифа в наши дни с polemическим заглавием «Как умирают мифы». Леви-Строс показывает, как заимствование мифа от народа к народу путем серии последовательных трансформаций превращает его в романтическую сказку или в легенду, связанную (пусть вторично) с реальной историей. Вполне понять его мысль в этой работе можно, только обратившись предварительно к «Мифологикам» или хотя бы к конспекту этого труда в статье Мелетинского, упомянутой выше, поскольку ни определения мифа, ни какой бы то ни было характеристики его сути, ускользающей в процессе заимствований, Леви-Строс в этой небольшой статье не дает. В данном случае он останавливает внимание на «органической непрерывности между мифологией, легендарной традицией и тем, что правильно будет назвать политикой...» (с. 87).

Статьи Леви-Строса в сборнике «Зарубежные исследования по семиотике фольклора» выполняют роль обобщающего теоретического введения. Следующие за ними публикации А. Греймаса, К. Бремона, П. Маранды посвящены в основном более частным проблемам структурного анализа фольклора. Особенно интересно сопоставить работы Леви-Строса и статью А. Дандиса «Структурная типология индейских сказок Северной Америки», в которой автор стремится сочетать методики Проппа и Леви-Строса.

В целом настоящий сборник хорошо помогает ответить на дискутировавшийся до недавних пор нашими учеными вопрос о том, создал Леви-Строс научную школу или остался одинокой вершиной современного структурализма. Сборник работ фольклористов, которые следуют основным принципам структурного анализа, обращаются к тому же материалу, что и Леви-Строс, и периодически на него ссылаются как на основоположника и первопроходца, подводит к определенно утвердительному ответу на этот вопрос.

Предпринятые издания работ Леви-Строса в целом способны дать представление советскому читателю и о логике становления структурно-семиотического метода, и о возможности его применения к изучению различной этнографической проблематики. Ознакомление со структурным методом — это повод к постановке ряда новых методических проблем. Кроме того, публикации на русском языке позволяют ввести в широкий научный оборот некоторые из конкретных результатов, полученных французским этнографом.

Н. Я. Дараган, А. Б. Островский

⁸ Пропп В. Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976 (см. статью «Структурное и историческое изучение волшебной сказки», с. 132—153).

НАРОДЫ СССР

А. И. Робакидзе. Сванети. I. Жилище и поселения. Тбилиси: Мецниереба, 1984. 117 с., XV табл.

Бытовая культура сванов — этнографической группы грузинского народа — все еще остается недостаточно изученной. Выход в свет монографического исследования, посвященного жилищам и поселениям Сванети, в известной мере заполняет существующие пробелы в исследовании этого круга проблем. Рецензируемая книга — итог многолетних исследований автора, а также его раздумий над вопросами общего характера — типологией и классификацией поселения и жилища, принципами их картографирования и т. п.

Книга состоит из Предисловия и двух глав: первая — «Жилище», вторая — «Поселение». В глоссарии «Транскрипция терминов и топонимов» приведены грузинское и русское написание терминов, топонимов и этнических названий, а также дана их транскрипция. Монография интересно иллюстрирована фотографиями, рисунками и чертежами, в приложении приводятся таблицы.

В Предисловии представлена сжатая характеристика сванов как этнографической группы грузинского этноса и сформулирована основная задача работы — ареальное исследование одного из основных историко-этнографических регионов Грузии. Для ее решения, по словам автора, необходимо провести «реконструкцию традиционных форм важнейших элементов культуры и быта, проливающих свет на некоторые стороны этнокультурной истории грузинского народа» (с. 7). Значительное внимание в том же разделе уделено общеметодическим вопросам, и прежде всего характеристике памятников материальной культуры, в том числе жилища и поселения как объектов этнографического изучения. А. И. Робакидзе справедливо подчеркивает, что в этнографических исследованиях «жилище должно рассматриваться в качестве этноспецифической формы материальной культуры», выражающей особенности семейного быта, направленность экономической деятельности семьи, имущественно-правовое положение ее членов, верования и обряды, выполняемые в определенных частях дома, и прежде всего около центрального очага, и т. п. (с. 7).

В первой главе прослеживаются исторические предпосылки формирования и становления традиционных форм сванского жилища. Основное место уделено его типологической характеристике. А. И. Робакидзе выделяет три основные формы: жилая башня — *лџага муркам* (с. 29), жилой дом с оборонительной башней — *муркам* (с. 31), жилой дом с оборонительной башней и оградой (с. 37). Замковые сооружения логически завершают развитие названных форм.

Выделенные формы жилища находят аналогии за пределами Сванети, причем сванская башня, как показано в исследовании, представляют одну из разновидностей «горнокавказской башенной культуры» (с. 31). Еще две формы сванского жилища, показанные в книге, по мнению автора, носят региональный характер. Это *сванир* — башня, пристроенная к жилому дому, и *санцхвир* — жилой комплекс с амбразурой (с. 26).

Большое внимание в первой главе уделено конструктивной системе строения (в частности, межэтажным перекрытиям); описано внутреннее пространство дома, разделенное на мужскую и женскую части; показано расположение тайников — помещений для пленных и др. Автор подробно говорит о традиционном размещении членов семьи вокруг очага, что, как известно, имеет огромное значение в хозяйственной, социальной и духовной жизни сванов (как, впрочем, и других народов Кавказа). Хотелось отметить, что проведенный в этой главе анализ составных элементов жилища имеет важное значение.

Вторую главу автор посвящает формам поселения как «одному из важнейших ингредиентов культуры и быта» (с. 62). Касаясь типологической классификации форм поселения и принимая общепринятый в грузинской этнографической литературе принцип вертикальной зональности, автор в то же время предостерегает от его абсолютизации.

В главе дается анализ исторически сложившейся территориальной структуры края: *куџкана* (страна), *хеви* (букв. ущелье), *даба* (в значении ровного места, пашни), *сопели* (село) и *калаки* (город). Два основных термина — хеви и сопели — обозначают, как отмечает А. И. Робакидзе, две различные ступени в процессе развития поселения, по социальной природе следующие одна за другой, но по форме сосуществующие (с. 72).

Структура сванского хеви еще ранее была подробно изучена Р. Л. Харадзе и автором рецензируемой книги. Они считают, что хеви в соответствии с главнейшими атрибутами — советом старейшин, военной дружиной и др. — нужно рассматривать как территориальную единицу. Сопоставляя сванские материалы с общегрузинскими, автор устанавливает, что «в сванском языке, так же как и в грузинском, термин хеви обозначает группу сел, расположенных вдоль ущелья» (с. 75). При этом подчеркивается, что «хеви выступает как более четко определенное и организованное единство, в отношении которого сопели — село играет явно выраженную подчиненную роль, как его составная часть» (с. 77).

Обобщая материалы по традиционно-бытовой культуре народов Северного Кавказа, автор выдвигает тезис о повсеместном распространении патронимической формы поселения, представлявшей собой в социальном отношении продукт распада большой семьи.

Уточняя структуру сванского поселения, А. И. Робакидзе вводит понятие *сиквоб* — группа сел, организующим центром которой был холм (груз. гора, сванск. сикв). Такая форма, по мнению автора, представляет отголосок древнейшей системы расселения, «хотя и не исключено, что это может быть продуктом распада хеви» (с. 86).

В целом высоко оценивая рецензируемую книгу, хочется высказать некоторые пожелания. Целесообразно было бы более подробно осветить социальную сущность сванского жилого комплекса, что дало бы возможность выделить существенные особенности взаимоотношений и взаимосвязей членов семьи, имущественно-правовые стороны семейной общины сванов в процессе их исторического развития. В пределах представленного в книге материала можно было бы более четко показать взаимосвязь и взаимообусловленность типологии жилища и поселений.

Выход в свет книги А. И. Робакидзе «Сванети» является значительным вкладом в советскую этнографическую науку. Эта работа займет достойное место среди основных публикаций по истории культуры народов Кавказа.

В. М. Шамиладзе, Г. Н. Давиташвили